

П. И. ЖАВОРОНКОВ

НИКЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
И КНЯЖЕСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г. не могло не отразиться на относительно широких политических, экономических и церковных отношениях, существовавших между Византией и княжествами Древней Руси почти до начала XIII в.¹ Никейские императоры, подобно византийским василевсам XI—XII вв., придавали большое значение взаимоотношениям с Русью и в меру экономических и политических возможностей поддерживали эти отношения. Едва ли правомерно, как показывает нижеприведенный материал, называть время никейско-русских отношений «периодом затмения»². Скорее всего, следует говорить о снижении интенсивности отношений³, о превалировании одних аспектов отношений (церковных) над другими (экономическими и политическими). Объяснение этого следует искать в изменении внешнеполитических условий как на территории бывшей Византийской империи, включая и ее крымские владения, так и в той междоусобной борьбе древнерусских княжеств, которая в этот период, по выражению Ф. Энгельса, достигла апогея «всеобщей путаницы»⁴.

После 1204 г. северочерноморские владения Византийской империи вместе с Херсонесом и, возможно, Тмутараканью⁵, по крайней мере номинально, подчинялись Трапезундской империи, платя ей ежегодно дань⁶. Никейская империя, имевшая на понтийском берегу два небольших приморских города — Ираклию и Амастриду, не могла играть главной роли в черноморской торговле с Херсонесом и Русью. Торговля в основном сосредоточивается в руках трапезундских, иконийских (после того как в 1214 г. султанат завоевал Синоп — важный торговый порт на южном берегу Черного моря), армянских и венецианских купцов. К тому же со второй половины XII в. торговое значение Херсонеса перешло к новому экономическому центру восточной Таврики — Судаку (Сурожу), независимому от Трапезундской империи, и, возможно, до татарского завоевания подчиненному половцам⁷.

¹ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 429—497.

² Obolensky D. The Relations between Byzance and Russia (XIth—XVth century). — В кн.: XIII Международный конгресс историков: Доклады конгресса. М., 1973, т. I, ч. 4, с. 204.

³ Литаврин Г. Г., Янин В. Л. Некоторые проблемы русско-византийских отношений. — История СССР, 1970, 4, с. 42.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, М., 1961, с. 411.

⁵ О принадлежности Тмутаркани Византийской империи в XII в. см.: Литаврин Г. Г. Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.). — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 237—242; *Он же*. Русь и Византия в XII в. — ВИ, 1972, 7, с. 36—52.

⁶ Пападопуло-Керамевс А. Сборник источников по истории Трапезундской империи. Л., 1927, с. 117. 10—14.

⁷ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. I, с. 26.

В XIII в. это большой торговый город, населенный постоянно проживающими здесь греческими ремесленниками и приезжими купцами из разных стран⁸. По сообщению Рубрука, в Судак «пристают все купцы, следующие как из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из Руси и северных стран и желающие переправиться в Турцию»⁹. Скорее всего, здесь имеются в виду купцы из Трапезунда и Иконийского султаната, но нельзя исключать и присутствие среди них никейских купцов. К такому предположению приводит сопоставление данных источников. По словам Ибн-ал-Асира, к Судаку «пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, меха, бобры, белки и другие предметы»¹⁰. Продажа невольников и военнопленных на рынках Судака и Херсонеса особенно увеличилась после завоевания Руси в 1240 г. монголами, когда массы русского населения поднепровских городов пытались искать спасения в Крыму¹¹. Часть из них оказалась на невольничьих рынках и вскоре была продана, в том числе и в Никейскую империю: формуляры грамот при отпуске рабов на волю называют прежде всего русских¹². Вероятно, часть невольников попадала в Никейскую империю и через сельджукских купцов¹³.

О наличии торговых отношений империи с Крымом свидетельствует также находка в селе Крепкое Куйбышевского района Крымской области золотой монеты Феодора II Ласкаря вместе с большим золотым височным кольцом¹⁴.

Никейские купцы не ограничивались торговыми сделками в северо-черноморских портах, но и сами приезжали в древнерусские княжества. Имеется относящееся к 1250—1252 гг. свидетельство Волинской летописи о покупке греческих шелковых тканей¹⁵, которые вероятнее всего, были привезены никейскими купцами. Кроме того, необходимо принимать во внимание поездки греков на Русь (см. ниже) — иногда вместе с купеческими караванами — и сопровождение никейскими купцами рукоположенных в Никее киевских митрополитов. Возможно, сообщение Волинской летописи связано с прибытием из Никее киевского митрополита Кирилла II в Галич в 1250 г.

Экспортируя ткани, одежду и драгоценные украшения, Никейская империя вывозила из древнерусских княжеств меха горностаев, соболей, белок и зайцев, о чем сообщает Михаил Хониат, находившийся в 1210 г. на о-ве Кеос¹⁶. По-видимому, состав импорта Никейской империи из Древней Руси не изменился и в последующие десятилетия.

Безусловно, объем и интенсивность торговли Никее с Русью значительно уступали масштабу торговых отношений империи с Иконийским султанатом, Венецией, Генуей и Египтом. Это объяснялось как трудностью пути, отсутствием хороших портов на никейском берегу Черного моря, недостаточно развитой торговлей, протекционистскими мерами императоров, так и тем, что в глазах никейских императоров Русь была важна прежде всего не как торговый партнер, а как северный форпост православия. Поэтому основу взаимоотношений Никейской империи с древнерусскими княжествами составляли церковно-политические отношения.

Церковные отношения Никее с Русью могли начаться только после избрания 20 марта 1208 г. патриархом Михаила Авториана¹⁷. По-видимому, вскоре после этого в Никее был рукоположен киевский митрополит Матфей, который впервые упоминается в русской летописи под 1210 г.¹⁸ Возможно, что Матфей был избран митрополитом еще в 1203 г., но падение Константинополя и бегство патриарха Иоанна Каматира на Балканы помешали прибытию в Византию главы русской церкви. К такому предположению можно прийти на основании сведений русских летописей.

Предшественник Матфея митрополит Никифор II в последний раз упоминается в летописи под 1190 г.¹⁹ Но из рассказа летописца нам известно, что в 1198 г. новгородский князь Всеволод Георгиевич послал избранного им Павла на епископство в Переяславль²⁰. Хотя в избрании епископа решающее слово принадлежало князю²¹, без посвящения митро-

полита оно не имело законной силы. Следовательно, в 1198 г. Никифор II был еще жив. Однако ему едва ли удалось пережить разгром Киева, учиненный 2 января 1203 г. Рюриком и Ольговичами, приведшими на Русь половцев. «И сотворилось великое зло в русской земле, — восклицает летописец. — Такого зла над Киевом не было от крещения (Руси) . . . Подолье взято и пожжено, взята Гора, митрополичья святая София разграблена, и Десятинная святая разграблена, и монастыри все, а иконы содраны. . .»²²

Отсутствие в летописях упоминания о смерти киевских митрополитов — явление довольно обычное, так как русские летописцы весьма неохотно писали о митрополитах-греках. Из четырех киевских митрополитов периода Никейской империи (Матфей, ум. в 1220 г.²³, Кирилл I, 1224²⁴—1233 гг.²⁵, Иосиф, 1237²⁶—1240 гг., Кирилл II, 1250²⁷—1281 гг.) лишь Кирилл II был русским. Поэтому утверждение Никифора Григоры, что митрополичью кафедру в Киеве с самого начала ее образования по соглашению с Константинополем должны были поочередно занимать либо грек, назначаемый из Византии, либо русский, избираемый князьями и утверждаемый патриархом²⁸, не соответствовало действительности как XI—XII вв., когда местные кандидаты появлялись на престоле нерегулярно²⁹, так и первой половины XIII в.³⁰ Только с Кирилла II начина-

⁸ Яковсон А. Л. Средневековый Крым. М., 1964, с. 79; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). — История СССР, 1967, 3, с. 107.

⁹ Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, с. 66.

¹⁰ Тизенгаузен В. Указ. соч., с. 26.

¹¹ Яковсон А. Л. К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.). — ВВ, 1958, 14, с. 125—128.

¹² Ferrari G. Formulari notari inediti dell'età bizantina. — Bulletino dell'Istituto storico Italiano, 1913, 33, p. 63. 22—30.

¹³ Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen âge. Leipzig, 1885, I, p. 298—299.

¹⁴ Кротошкин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, с. 35, № 230.

¹⁵ Лопарев Х. М. 'Απαντα τὰ Ῥωμαϊοβυζαντινά. СПб., 1898, с. 29.

¹⁶ Δάμλιρος Σπ. Μιχαήλ. Ἀζαρινάτου Χωνιάτου Τὰ σφύριμενα. Ἀθήναι, 1880, τ. II, σ. 356. 16; Irmischer J. Das Nikäische Kaisertum und Russland. — Byz., 1970, 40, 2, S. 378.

¹⁷ Laurent V. La chronologie des patriarches de Constantinople au XIIIe siècle (1208—1309). — REB, 1969, 27, p. 129—133.

¹⁸ ПСРЛ. Л., 1962, т. I, стб. 435.

¹⁹ Там же, стб. 408.

²⁰ Там же, стб. 414.

²¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 2, т. 3, с. 56.

²² ПСРЛ, т. I, стб. 418.

²³ Там же, стб. 445.

²⁴ Там же, стб. 447; ПСРЛ. СПб., 1908, т. II, стб. 753; Татищев В. Н. История Российская. Л., 1964, т. 4, с. 361.

²⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 512; т. II, стб. 129; СПб., 1888, т. III, стб. 242; Татищев В. Н. Указ. соч., с. 371.

²⁶ ПСРЛ, т. III, стб. 246; т. IV, стб. 30; Baumgarten N. de. Chronologie ecclésiastique des terres Russes (du Xe au XIIIe siècles). — Orient. Chr., 1930, 17, p. 156.

²⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 181.

²⁸ Parisot V. Livre XXXVII de l'Histoire Romaine de Nicéphore Grégoras. P., 1851, p. 68; Литаврин Г. Г. и др. Экономические и политические отношения Древней Руси и Византии в XI—первой половине XIII в. — In: The Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies./L. etc., 1967, p. 71—72.

²⁹ Obolensky D. Le Patriarcat byzantin et les métropolités de Kiev. — SBN, 1953, 7, p. 437—438.

³⁰ Основываясь на словах летописца, что «в лето 1224 поставлен бысть (вместо «ириде» — П. Ж.) митрополитом в святой Софье» (ПСРЛ, т. I, стб. 447), некоторые историки (Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1901, т. I, ч. 1, с. 318; Левченко М. В. Указ. соч., с. 505) полагают, что митрополит Кирилл I (1224—1233) был избран в Киеве, а затем рукоположен в Никее Германом II. Однако сомнительно, чтобы русские князья избрали митрополитом грека, тем более что в Новгородской первой летописи определенно указывается на его прибытие из Никей: «В то же лето (1233 г.) преставился блаженный митрополит вся Русы Киевский именем Кирилл, родом гречин бе, приведен бысть из Никей» (ПСРЛ, т. III, стб. 49).

ется чередование киевских митрополитов из греков и русских, что заставляет предполагать заключение в 1248—1249 гг., во время поездки Кирилла II в Nikeю, подобного соглашения.

В период существования Nikeйской империи, как известно, происходит значительное ослабление власти константинопольского (nikeйского) патриарха над православными иерархами некоторых стран. В 1219 г. церковную независимость получает Сербия, в 1235 г. — Болгария, а синодальным актом от 1 января 1261 г. Трапезундской церкви дается право самой избирать понтийского архиепископа, рукополагаемого патриархом.

Что касается Древней Руси, то в настоящее время существуют две противоположные точки зрения на вопрос об ослаблении зависимости киевского митрополита от Nikeи.

Согласно одной из них, Русь в первой половине XIII в. не получила никаких церковных привилегий; она их даже не добивалась³¹. Вторая точка зрения, напротив, признает получение русской церковью некоторой независимости исходя из факта принятия киевским митрополитом Кириллом I титула архиепископа³².

Присоединяясь в целом ко второй точке зрения, мы считаем, что приведенный для ее аргументации факт не является достаточно убедительным: титулование Кирилла I как «Κύριλλος μοναχός ἐλέφ θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος τῆς μητροπόλεως Ῥωσίας»³³ (вместо обычных для XI—XII вв. πρόεδρος, ποιμέναρχος, μητροπολίτης πάσης Ῥωσίας)³⁴ не может служить, по нашему мнению, доказательством расширения церковной независимости киевского митрополита. Дело в том, что если во второй половине XII в. новгородские владыки получали при хиротонисании лишь эпизодично титул «архиепископа Новгорода»³⁵, то начиная с 1193 г., когда новгородскую кафедру в течение почти сорока лет поочередно занимали Митрофан и Антоний, титулование новгородских епископов архиепископами утвердилось прочно как на владычных именных печатях, так и в летописях³⁶. Известно, что ранее печати новгородских епископов довольно точно копировали печати киевских митрополитов. Это подражание касалось не только поясного изображения богородицы «Знамение» на одной стороне и греческой многострочной надписи на другой, но и совпадения самой формулы легенды³⁷. Можно, как нам кажется, предположить, что Кирилл I в свою очередь использовал часть легенды новгородского архиепископа для подчеркивания своих прав по отношению ко всем иерархам Руси, определяемой как киевская митрополия.

Правда, мы не можем со всей уверенностью сказать, что Кирилл был первым митрополитом с титулом «архиепископ митрополии России», так как до сих пор неизвестна печать его предшественника Матфея. Но его преемники — как избранный Михаилом Черниговским, но не рукоположенный Nikeей, Петр Акерович³⁸, так и Кирилл II³⁹ — называются архиепископами Руси, по крайней мере в письменных источниках.

Более существенным признаком ослабления церковной зависимости Руси от константинопольского патриарха является признание Nikeей права чередования на киевском митрополичьем престоле то грека, то русского⁴⁰. Это было вызвано в первую очередь положением древнерусских княжеств, к середине XIII в. оказавшихся под татаро-монгольским игом.

Во время разгрома Киева татарами в 1240 г. митрополит Иосиф, грек, недавно (в 1237 г.) прибывший из Nikeи, вероятно, погиб, и на митрополичьей кафедре пытался утвердиться ставленник Михаила Черниговского, владевшего Киевом в 1241—1244 гг., Петр Акерович, игумен монастыря Спаса на Берестовом в Киеве⁴¹. Но с этим не согласился галицко-волынский князь Даниил Романович, мать которого, Анна, была родственницей императора Алексея III Ангела (1195—1203)⁴². В 1242 г. он поставил общерусским митрополитом Кирилла⁴³, который был, по-видимому, печатником великого князя⁴⁴, а не холмским епископом, как можно было бы думать на основании некоторых данных⁴⁵. Поскольку патриарший престол в Nikeе оставался вакантным в течение почти четырех лет

(1240—1243), то ни один из кандидатов не имел возможности отправиться к патриарху для рукоположения.

В 1245 г. Киев перешел к владими́ро-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу, который не признал Петра Акеровича⁴⁶. Последний вместе с Михаилом Черниговским отправился в Венгрию, а оттуда к папе на Лионский собор и навсегда остался во Франции⁴⁷. Таким образом, Кирилл, поставленный Даниилом Романовичем, стал единственным и законным митрополитом Руси. Вскоре после неудачных переговоров с Римом об унии в 1247—1248 гг. Кирилл был послан в Никею на поставление, откуда вернулся в 1250 г.⁴⁸ Никейский патриарх Мануил II (1244—1254), учитывая внешнеполитическую обстановку, сложившуюся на Руси и в Юго-Восточной Европе после завоевания монголов, не только рукоположил избранного русским князем митрополита, но и, по-видимому, согласился на поочередное занятие митрополичьей кафедры русским и греком.

Однако большего Руси добиться не удалось. Причина этого, на наш взгляд, заключалась в политической раздробленности, постоянных междоусобных войнах, нежелании князей занять единую позицию в вопросе о церковной зависимости от Византии, т. е. в отсутствии единой политической власти, как это было в Болгарии и Сербии. Монгольское завоевание окончательно уничтожило даже основу для такого единства.

Никейский патриарх, посвящая митрополитов Киева, не вмешивался во внутреннее управление русской церковью, кроме тех случаев, когда в делах епископов Руси Никея усматривала явные канонические нарушения. Как на пример такого вмешательства можно указать на послание патриарха Германа II в 1228 г. митрополиту Кириллу I о запрещении

³¹ Левченко М. В. Указ. соч., с. 504; *Irmischer J.* Op. cit., S. 379.

³² Литаврин Г. Г. и др. Указ. соч., с. 81.

³³ *Orechnikov V.* Sceaux de plomb du XIIIe siècle au nom du métropolitain Cyrille. — *Annuaire de la Société française de Numismatique et d'Archéologie*, 1893, XVII, p. 446—447; *Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. P., 1964, t. V. L'Eglise. Première partie: 1. L'Eglise de Constantinople. A. La Hiérarchie, p. 608, p. 792; *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. I, с. 176, примеч. 53.

³⁴ *Soloviev A. V.* Metropolitensigel des Kiewer Russlands. — *BZ*, 1962, 55, S. 298—300.

³⁵ *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 56.

³⁶ Там же, с. 178, примеч. 61, 62; ПСРЛ, т. I, стб. 423, 491, 502, 503, 512.

³⁷ *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 57.

³⁸ *Матусова В. И.* Английские средневековые источники. М., 1979, с. 124, 178.

³⁹ Митрополит, по словам летописца, обращаясь к новгородцам, сказал: «Мне бог поручил архиепископию в Русской земле» (ПСРЛ, т. III, стб. 294); Яков Свято-слав, болгарский деспот, бывший ранее русским князем, посылая Кириллу Кормчую книгу, именует его «архиепископом града Киева и . . . всей Русской земли» см.: *Востоков А.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, с. 290—291; *Гомье Ю. В.* Русские на Балканском полуострове в XI—XIV веках. — *Уз МГПИ*, 1939, т. 4, с. 6.

⁴⁰ *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453. L., 1971, p. 240.

⁴¹ *Пауто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 57—60.

⁴² *Vaumgarten N. de.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle. — *O. Chr.*, 1927, IX, p. 47, tab. XI.

⁴³ ПСРЛ, т. II, стб. 180; *Голубинский Е. Е.* Указ. соч. М., 1900, т. 2, ч. 1, с. 53, примеч. 1.

⁴⁴ В Ипатьевской летописи под 1241 г. упомянут печатник князя Кирилл, который был отправлен с войском по поручению Даниила Романовича завоевывать Болоховскую землю, см.: ПСРЛ, т. II, стб. 179. Печатниками обычно были духовные лица, см.: *Соколов П.* Русский архирей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев. 1913, с. 160.

⁴⁵ Действительно, некий Кирилл в 1243 г. находился в Холме, когда пришло известие о приближении монголов, но он не был епископом, так как первым епископом Холма до 1260 г. был Иоанн, см.: ПСРЛ, т. II, стб. 163, 196—198.

⁴⁶ *Пауто В. Т.* Киевская летопись 1238 года — *ИЗ*, 1948, 26, с. 302.

⁴⁷ Подробнее о Петре Акеровиче см.: *Томашівский С.* Предтеча Исидора Петро Акерович, незнайний митрополит русский (1241—1245). — *Analecta Ordinis s. Basilii Magni* (Записки чина св. Василия Великого), Львів, 1927, т. 3, ч. 3/4, с. 221—313; *Матусова В. И.* Указ. соч., с. 183—184.

⁴⁸ ПСРЛ, т. II, стб. 182, 185.

возводить в духовный сан рабов и пленников и позволять им священнодействовать⁴⁹. Но Никея всегда придавала большое значение киевским митрополитам как сторонникам «тесного сотрудничества церкви и государства во имя защиты Руси и ее церкви»⁵⁰. Митрополиты часто выступают в роли дипломатов, посредников и примирителей князей: киевских и суздальских, черниговских и волынских, новгородских и переяславских⁵¹. Их влияние на формирование великокняжеской политики еще больше возросло после завоевания Руси монголами и начавшегося в 1240-е годы наступления, военного и идеологического, римской церкви на русские земли. Никейская империя с настороженным вниманием следила за попытками католического Рима подчинить своему влиянию то или другое древнерусское княжество и, действуя через киевских митрополитов, пыталась помешать этим замыслам.

Попытки Рима подчинить своему влиянию русские княжества с особенной настойчивостью возобновились сразу же после падения Константинополя. Уже в 1204 г. к галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу, одному из могущественных русских князей, про которого говорили, что он, сидя на «златокованном престоле, подпер горы угорские своими полками железными, заступил путь королю (венгерскому), затворил Дунаю ворота»⁵², было послано из Рима посольство с предложением принять католичество⁵³. В октябре 1207 г. папа Иннокентий III направил с кардиналом Виталисом послание к «духовенству и мирянам Руси», в котором говорилось, что, поскольку Византии и греческого патриарха больше не существует, Русь должна заключить союз с Римом и подчиниться католической церкви⁵⁴. Но все эти послания, как и письмо Григория IX в 1231 г. к суздальскому князю⁵⁵ Георгию Всеволодовичу, успеха не имели, как не имело успеха и насильственное введение католицизма на захваченных в 1214—1219 гг. венгерским королем Андреем II галицких землях. Это дало возможность патриарху Герману II в 1232 г. в послании римской курии с полным основанием утверждать, что «неисчислимый народ Руси» строго придерживается православной веры⁵⁶. Период перед монгольским нашествием отмечен наиболее активным противодействием влиянию католической церкви в русских княжествах. В 1233 г. киевский князь Владимир Рюрикович изгнал Мартина Судомира, приора доминиканского монастыря св. Марии, вместе со всеми монахами⁵⁷. Несколько позднее, в 1236—1237 гг., доминиканцы-венгры были изгнаны и из Владимиро-Суздальского княжества⁵⁸.

Новый этап в политике Рима по отношению к Руси и в обострении борьбы между византийской и римской церквями начался после подчинения древнерусских княжеств власти монгольского хана. Во-первых, папа пытался заключить союз с татаро-монголами, направленный против Никеи: достаточно вспомнить посольства Платона Карпини, Асцелина и Рубрука, а также обращение латинского императора Балдуина II к Батюю⁵⁹. Во-вторых, прикрываясь необходимостью борьбы с монголами, Иннокентий IV стремился подчинить своей власти древнерусские княжества и прежде всего Галицко-Волынское, используя для этого Венгрию, король которой Бэла IV был в родственных связях с князем Галиции⁶⁰. Если в первом случае папская курия стремилась направить монголов на Никею и получить из рук татар право на управление русской церковью, то во втором она хотела добиться добровольного подчинения русских князей Риму в обмен на помощь в борьбе с Батыею.

В 1247 г. Иннокентий IV послал в Галич прусского архиепископа Альберта для постоянного пребывания при княжеском дворе⁶¹. Даниил Романович, только что признавший номинальную зависимость от татар, хорошо встретил папского легата. Это не могло не встревожить Никею. Митрополит Кирилл II, вернувшись в 1250 г. из Никеи и не имея возможности оставаться в Киеве, так как там все было разрушено татарами (кафедральный Софийский собор, десятичная церковь, митрополичий двор, Печерская лавра оставлена монахами)⁶², не пошел в Галич к избравшему его Даниилу Романовичу, а отправился в Северо-Восточную Русь. Посетив

Чернигов, Рязань и Суздаль, Кирилл II избрал своим местопребыванием Владимир-на-Клязьме. Вне всякого сомнения, выбор Владимира митрополитической резиденцией был обусловлен не только победой Северо-Восточной Руси над Юго-Западной⁶³, выразившейся в назначении Ордой (1249 г.) великим князем Руси Андрея Ярославича⁶⁴, который в 1250 г. начал княжить во Владимире. Прежде всего это решение свидетельствовало о глубоком недовольстве Кирилла II и Никеи политическим курсом Даниила Галицкого, хотя и прервавшего на время переговоры с папой о союзе церквей, но не оставившего, как показали дальнейшие события, таких намерений. Решение киевского митрополита говорило о поддержке Никеей Александра Ярославича (Невского), отвергавшего (в противоположность своему отцу Ярославу Всеволодовичу) все предложения Рима о переговорах и помощи, которые имели место в 1248—1252 гг.⁶⁵

Политика Александра Невского, получившего в 1252 г. ярлык на великое княжение, заключалась в поддержании отношений с Золотой Ордой и через митрополита Кирилла II с Никейской империей⁶⁶. В то время как Даниил Галицкий все больше сближался с Римом и, наконец, в 1254 г. принял из рук папских легатов (не без нажима польских князей и короля Болеслава, обещавшего помощь в борьбе с татарами) присланную Римом корону⁶⁷, Александр Невский, действуя заодно с митро-

⁴⁹ Павлов А. С. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880, ч. I, стб. 79—84.

⁵⁰ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 265.

⁵¹ В 1210 г. митрополит Мафей мирил киевского князя Всеволода Святославича с суздальским (ПСРЛ, т. I, стб. 435). Кириллу I в 1226 г. удалось добиться мира между Георгием Михайловичем Переславским и Олегом Курским (Там же, стб. 448). Когда в 1230 г., вследствие недовольства Новгорода княжением Ярослава Переяславского и вторичного призвания на новгородский стол Михаила Черниговского возникла угроза междоусобной войны Южной Руси с Северной, то во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу отправился митрополит. Конфликт был ликвидирован. Однако успех не всегда сопутствовал митрополиту на этом поприще. В 1228 г. Кирилл I не смог предотвратить столкновение молодого Даниила Романовича Галицкого с Ростиславом, князем Пинска, и его союзником киевским князем Владимиром Рюриковичем, см.: Соловьев С. М. Указ. соч., кн. 2, т. 3, с. 129.

⁵² См.: История дипломатии. М., 1959, т. I, с. 133.

⁵³ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М., 1959, с. 136.

⁵⁴ PG, t. 215, col. 1232—1234.

⁵⁵ Лопарева Х. М. Op. cit., p. 28.

⁵⁶ Матузова В. И. Указ. соч., с. 111, 135; Laurent V. Regestes, N 1257.

⁵⁷ Dlugosii Historia Polonica/ Ed. A. Przedziecki. Cracoviae, 1873, vol. II, p. 240.

⁵⁸ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. — ИА, 1940, т. 3, с. 107; Пашуто В. Т. О политике папской курии на Руси (XIII в.). — ВИ. 1949, 5, с. 60—61.

⁵⁹ Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de Géographie. P., 1839, t. 4, p. 239, 10—12; 242, 3—7; Пашуто В. Т. О политике папской курии на Руси, с. 67—70.

⁶⁰ В 1248 г. венгерский магнат Дмитрий женился на княгине Анастасии Бельцкой, а вскоре Бэла IV выдал свою дочь Констанцию за сына Даниила Романовича Льва. см.: Baumgarten N. de. Généalogies. . . , p. 71.

⁶¹ Raynaldus O. Annales Ecclesiastici. Coloniae Agripinae, 1693, t. 13, an. 1247, n. 28—29; an. 1259, n. 15. Папа позволял русскому духовенству совершать службу на квасном хлебе, признавал законным брак брата Даниила Романовича Василька с одной из родственниц.

⁶² Леаченко М. Указ. соч., с. 510.

⁶³ Борьба между Северо-Восточной и Юго-Западной Русью в условиях татарского завоевания заключалась в получении в Золотой Орде ярлыка на великое княжение в Киеве. Галицко-волинский князь, провозглашенный в Холмском летописном своде (составлен в середине 1240-х годов) преемником киевских князей, не смог получить у татар ярлыка на великое княжение. Первым великим князем стал в 1243 г. Ярослав Всеволодович Суздальский, см.: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси, с. 237.

⁶⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 472.

⁶⁵ Historica Russiae Monumenta Ed. J. Turgenew. СПб., 1841, t. 1, N 78. — Рамм Б. Я. Указ. соч., с. 159—160.

⁶⁶ Пашуто В. Т. О политике папской курии на Руси, с. 73; Он же. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси, с. 272.

⁶⁷ Соловьев С. М. Указ. соч., кн. 2, т. 3, с. 176; Пашуто В. Т. О политике папской курии на Руси, с. 64—65; Obolensky D. The Byzantine Commonwealth, p. 271.

политом и никейскими дипломатами, отстаивал интересы Руси и православной церкви в Золотой Орде. Когда в 1254 г. папа, довольный подчинением Даниила Романовича Риму, послал к Батю Иоанна де Поликарно с целью добиться у татар права на управление русской церковью, то папский легат встретил при ханском дворе сопротивление Александра Невского и Никеи и не достиг своей цели ⁶⁸.

В конце 1257—начале 1258 г. в малоазиатскую Магнезию прибыло татарское посольство. В переговорах участвовали и русские дипломаты, представляющие не только Северо-Западную Русь, но и Галицко-Волынское княжество, поскольку Даниил Романович в 1256 г. решительно порвал с Римом, обманувшись в надеждах на помощь Запада. Они добились у монголов согласия сохранить в прежнем виде никейско-русские церковные отношения, хотя и под контролем золотоордынских ханов ⁶⁹. В 1261 г. в Сарае была организована специальная русская епископия, а несколько позднее, уже при хане Менгу-Тимуре, митрополит Кирилл II получил ханский ярлык, в котором признавались нерушимыми все прежние права церкви: она освобождалась от дани, а православная вера объявлялась неприкосновенной ⁷⁰. Все это означало полное крушение планов папского Рима в отношении Руси, а отвоевание в июле 1261 г. Михаилом VIII Палеологом Константинополя было встречено на Руси с удовлетворением и лишило папу Александра IV одного из главных козырей в антирусской (да и антиникейской) политике.

Между Никейской империей и княжествами Древней Руси существовали и взаимные культурные связи. Свидетельства о хождениях русских духовных лиц в империю, Константинополь и на Афон, прибытии оттуда греков и участия их в духовной жизни Руси неоднократно встречаются в летописях. В 1211 г. в Новгород вернулся из Константинополя Добрыня Ядрейкович, «привезя, по словам летописца, с собою гроб господень» ⁷¹. В том же году он был избран архиепископом Новгорода под именем Антония. Через несколько лет (1218 г.) епископ Полоцка привез Константину Всеволодовичу, великому князю Владимирскому, мощи святых и книги для созданной им школы, библиотека которой насчитывала более тысячи греческих книг ⁷². К 1220-м годам относятся два известия о хождении русских духовных лиц на Афон. Наиболее известно путешествие в 1220 г. Досифея, архимандрита Киево-Печерского монастыря, благодаря написанному им сочинению о жизни афонских монахов ⁷³. К этому же времени относится хождение на Афон рязанского епископа Ефросина, привезшего оттуда в 1225 г. своему князю несколько икон ⁷⁴. Возможно, что епископ Рязани отвозил на Афон грамоту киевского митрополита Кирилла ⁷⁵.

С другой стороны, участие греческого духовенства в церковно-политической и духовной жизни русских княжеств этого периода говорит о непрекратившемся притоке греков на Русь. Чаще всего они выступают в роли священников, настоятелей монастырей, епископов. Так, греком Мефодием в 1213 г. основан Почаевский монастырь ⁷⁶. Греческий священник новгородской церкви свв. Константина и Елены стал в 1226 г. игуменом Юрьева монастыря и являлся в 1229 г. одним из трех кандидатов в архиепископы Новгорода, но избран не был. Архиепископом стал другой грек — игумен монастыря св. Георгия Спиридон ⁷⁷. Греки назначались послами ⁷⁸, были учителями в княжеских школах ⁷⁹; греческие живописцы участвовали вместе с русскими мастерами в росписи церквей ⁸⁰.

Зависимость киевского митрополита от константинопольского (никейского) патриарха заставляла русское духовенство изучать греческий язык. Так, в Ростове Великом в церкви св. Богородицы левый клирос пел по-гречески, а правый — по-русски ⁸¹. По спасенным от татарского разорения в ростовских монастырях греческим книгам местное духовенство и монашество изучало греческий язык. В «Житии св. Стефана Пермского» говорится, что он потому избрал для своего пребывания Ростов, что «многи книги баху ту». Там он и «изучился греческой грамоте» ⁸².

Заканчивая обзор византийско-русских отношений периода Никейской империи, следует еще раз повторить, что, несмотря на политические потрясения и изменения, происшедшие в Византии в начале XIII в., время Никейской империи не было «периодом затмения» в византийско-русских связях. Отношения между Никеей и Русью не прерывались, хотя их интенсивность значительно снизилась по сравнению с XII в.

⁶⁸ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 273.

⁶⁹ *Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII/ Rec. I. Bekkerus.* Вонпае, 1835, vol. I, p. 134.14—136.2. *Андреева М. А.* Прием татарских послов при никейском дворе. — В кн.: Сборник статей, посвященный памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1926, с. 195—201.

⁷⁰ «Кто веру их похулит, — говорится в ярлыке, — или будет над нею ругаться, тот никем не будет прощен и умрет злою смертью» (Творения святых отцов в русском переводе. М., 1843, кн. 4, с. 418—419).

⁷¹ ПСРЛ, т. I, стб. 491; *Левченко М. В.* Указ. соч., с. 506.

⁷² ПСРЛ, т. I, стб. 441; т. XXX. М., 1965, стб. 85.

⁷³ *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. — ИОРЯС, 1903, т. 8, кн. 2, с. 66—68.

⁷⁴ *Лопарев Х. М.* Указ. соч., с. 28.

⁷⁵ В описании своего посещения афонских монастырей в первой половине XVIII в. Василий Григорович-Барский сообщает, что видел в Кулдумушском монастыре грамоту патриарха Кирилла от 6732 (1224—1225) г., см.: Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1887, ч. 3, с. 169. Так как никакого патриарха Кирилла ни в это время, ни вообще в Византии не было, то естественно предложить, что данная грамота написана киевским митрополитом Кириллом I. Однако именование его патриархом в записках Григоровича-Барского остается неясным.

⁷⁶ *Лопарев Х. М.* Указ. соч., с. 28.

⁷⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 128; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 68.

⁷⁸ Восставшие псковские бояре отправили в 1228 г. грека послом к новгородскому князю Ярославу Всеволодовичу, см.: Новгородская первая летопись... , с. 66.

⁷⁹ *Лопарев Х. М.* Указ. соч., с. 28.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ *Филарет (Гумилевский).* Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859, кн. 1, с. 77.

⁸² Цит. по кн.: *Архиепископ Филарет.* История русской церкви. М., 1842, т. 2, с. 50.